

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-105-113

Стекольщикова И.В.*Московский городской педагогический университет*

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ ЛИНГВИСТОВ НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию теоретических вопросов языкознания в рамках натуралистической концепции языка в научных трудах некоторых лингвистов XIX в.: Карла Беккера, Августа Шлейхера, Макса Мюллера, Абеля Овелака и Уильяма Уитни. В статье анализируется подход названных учёных к таким проблемам, как соотношение языка и мысли, языка и речи, слова и понятия, слова и звука, основные отличия человеческих организмов от животных и некоторые другие смежные вопросы. Проведённый аналитический обзор различных точек зрения учёных-натуралистов позволяет автору заключить, что вопрос о соотношении языка и мышления не нашёл однозначного решения в лингвистической мысли XIX столетия.

Ключевые слова: язык, лингвистика, натурализм, мышление, слово, мысль, понятие, человек, животное.

I. Stekolshchikova*Moscow City Teacher Training University*

CORRELATION BETWEEN LANGUAGE AND THOUGHT IN WORKS BY NATURALISTIC MOVEMENT LINGUISTS

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of theoretical questions connected with linguistic concept of naturalism in several XIX century linguists works: Karl Becker, August Schleicher, Max Muller, Abel Hovelaque and William Whitney. The article touches upon the approach of these scientists to such problems as correlation between language and thought, language and speech, word and notion, word and sound, main differences between human beings and animals and some other related questions. The analytical review showed that the XIX century linguists belonging to natural school did not come to unanimous opinion in regard to the problem of language – thought correlation.

Key words: language, linguistics, naturalism, mentality, word, thought, notion, human being, animal.

Вопрос о роли мышления для языка волновал исследователей разных научных направлений. Не обошли своим вниманием эту проблему и учёные, придерживающиеся натуралистической концепции языка, возникновение

которой связано с активным развитием естествознания под влиянием эволюционной теории Чарльза Дарвина. В той или иной степени к ним можно отнести немецких учёных Карла Беккера и Августа Шлейхера, английского учёного Макса Мюллера, французско-

го учёного Абея Овелака, американского учёного Уильяма Уитни и некоторых других лингвистов. Взгляды вышеупомянутых исследователей на проблему соотношения языка и мышления будут основным предметом рассмотрения в предлагаемой статье.

Начнём мы с рассмотрения теории, представленной английским учёным Максом Мюллером в работе «Наука о мысли» (1887) [8]. Макс Мюллер подходит к исследуемой проблеме, предварительно рассмотрев вопрос о том, кто из живых существ обладает языком и мышлением. М. Мюллер пишет: «... я никогда не сомневался и не сомневаюсь, что человек был, есть и всегда будет животным, т.е. живым существом, только не бессловесным животным, а животным с *progrium* языка и всем, что подразумевается под языком» [4, с. VIII]. Таким образом, по мнению учёного, именно способность говорить (то есть пользоваться своим языком) отличает человека от животного: «Мы всё делим с животным, кроме языка, который есть наша собственность» [4, с. IX].

Подобное мнение высказывал ранее в своей работе «Организм языка» (1841) и немецкий учёный Карл Беккер: «человек есть человек <...> только через язык» [1, №1, с. 5]. Карл Беккер называет язык «воплощённым отправлением» человеческой жизни, поскольку в человеческом организме язык выражен «в такой полноте, какая невозможна в других организмах» [1, № 2, с. 13].

Французский учёный Абель Овелака в своём труде «Лингвистика» (1881) выражает похожее мнение: «Человек только потому человек, что владеет способностью членораздельной речи»

[5, с. 18]. И именно эта особенность служит главным отличием человека от животного: «В конце концов, отличием человека от его низших братьев служит способность членораздельной речи. Способность эта не встречается ни у одного из них» [5, с. 22]. Рассуждая же о людях, которые не могут говорить в силу своих физиологических особенностей (например, глухонемые люди), Абель Овелака высказывается следующим образом: «Глухонемой от рождения лишён не способности речи, а свободы пользоваться этой способностью» [5, с. 22]. Таким образом, можно констатировать, что никакого противоречия выдвинутой теории здесь нет.

Итак, для Макса Мюллера человек – это «животное с отличительным свойством способности дара речи», которой нет ни у какой другой породы животных [4, с. 444]. Это заставляет считать человека не потомком животного, а самим животным. Таким образом, разница между идеями Чарльза Дарвина и Макса Мюллера состоит в следующем: Дарвин говорит, что человек «был» животное, а М. Мюллер утверждает, что человек «есть» животное, но с речевой способностью. Макс Мюллер полагает, что предки человека не имели языка, то есть были простыми животными, пока не социализировались. Необходимость совместно трудиться и общаться в процессе работы привела их к необходимости использовать речь, до чего никогда бы не дошли не говорящие животные.

Абель Овелака в вышеупомянутом труде [7] поддерживает мысль М. Мюллера о том, что наши предки сделались людьми в тот момент, когда образовалась их речь: «Лингвистика, как и другие естественные науки, заставляют

нас признать, что человек развился из низших форм, что он сделался человеком, а не родился им, каким бы то ни было волшебством» [5, с. 28]. И произошло это, по мнению учёного, путём постепенного развития органов речи: «Так как нельзя допустить, не впадая в представления метафизические и безосновательные, что способность членораздельной речи была приобретена человеком в один прекрасный день без причины, без начала, ex nihilo, то приходится признать её плодом прогрессивного развития органов» [5, с. 29]. Именно появление членораздельной речи, согласно А. Овелаку, явило собой «ту точку превращения, на которой человекообразное получает право на имя человека» [5, с. 28].

Август Шлейхер в своей работе «Немецкий язык» (1869) выражает подобное суждение: «Где развиваются люди, там возникает и язык...» [2, с. 114]. По его словам, если человека человеком делает речь, то наши предки не были настоящими людьми, а стали ими тогда, когда образовалась их речь, благодаря развитию словесных органов.

Итак, М. Мюллер в вышеупомянутом труде «Наука о мысли» неоднократно утверждает, что язык является «преградой» между человеком и низшими животными [4, с. 112]. Американский учёный Уильям Уитни в своём труде «Макс Мюллер и Наука о языке: критика» (1892) данный тезис М. Мюллера сравнил с фразой «Уральские горы – это граница между Великобританией и Камчаткой» [10, с. 32]. Он не приемлет подобную «антинаучную» точку зрения: «To declare, as our author does in various places, that language is the barrier, or impassable barrier, or the like, is unscientific and worthless» [10, с. 32].

По его мнению, кроме языка, имеется и огромное количество других отличий между человеком и животным, не менее характерных: «Language is not the only barrier, for there are a plenty of other differences which are not a whit less characteristic» [10, с. 32].

Согласно У. Уитни, главное, что выделяет человека среди животных, – это способ коммуникации: «... there is in the mode of communication possessed by men that is distinctive, that is different in principle from the methods of other animals» [10, с. 32]. Кроме того, человечество от животного мира отличает историческое развитие цивилизации, рост и развитие различных социальных институтов, лишь одним из которых является язык: «Every human language is an institution, a part of the civilization of the race that has produced it. <...> The lowest animals, whatever their capacities, in some respects surpassing ours, may be, have no progressive civilization, no growing institutions; and, with the rest, they have no language» [10, с. 32].

Абель Овелака высказывает иное суждение относительно способностей человека и животных: «Другие наши способности, другие действия наши существуют хотя бы в зачаточном состоянии и у животных...» [6, с. 25]. И только членораздельная речь, по мнению учёного, выше возможностей животных.

Карл Беккер тоже, в своё время, утверждал, что дыхание и голос объединяет человека с животным, но способностью к произнесению членораздельных звуков обладает только человек. А такие произвольно двигающиеся органы, как рот, гортань, язык и губы, составляют «аппарат словесных органов человека» [1, № 4, с. 35].

Таким образом, большинство учёных-натуралистов сходится во мнении, что главным отличительным свойством человека является членораздельная речь. Макс Мюллер, однако, говорит и ещё об одном неоспоримом превосходстве человека над животным миром, кроме речевой способности, – способности мыслить, поскольку одно без другого не осуществимо: «Никто, я думаю, не будет в состоянии оспаривать факта, что мысль без языка или какого-либо другого воплощения, невозможна. То, что мы привыкли называть мыслью, есть только оборотная сторона монеты, лицевая сторона которой есть членораздельный звук» [4, с. 420]. Макс Мюллер считает, что без способности говорить человек не может мыслить, и наоборот: «Худо ли, хорошо ли, но язык и мысль безраздельно соединены: их развод означает смерть как для одного, так и для другой» [4, с. 474].

Карл Беккер придерживается похожего мнения. Он утверждает, что невозможно «не знать природы человека и связанного с нею единства разума и языка» [1, № 2, с. 17]. Процесс, связывающий язык и мышление, согласно Карлу Беккеру, происходит следующим образом: «чувственно воспринимаемый вещественный мир деятельностью духа переводится в понятия и мысли» [1, № 2, с. 15]. А мысль уже выражается в словах.

Как считает немецкий учёный, «язык есть проявляющаяся мысль, а слово – воплощённое в звуках понятие» [1, № 5, с. 67]. Органическое развитие слова вместе с органическим развитием понятия представляет собой, по мнению Карла Беккера, один и тот же факт, поэтому они и объясня-

ются один из другого, и одно явление не может быть понято без другого [1, № 5, с. 67].

Отметим, что Августу Шлейхеру, как и Карлу Беккеру, присуща идея о внутренней связи мысли и слова. Август Шлейхер говорит о том, что мысль не существует без языка, как дух без материи [6, с. 4]. По его мнению, выраженному в вышеупомянутой работе «Немецкий язык», «мышление и язык столь же тождественны, как содержание и форма» [2, с. 114]. Согласно А. Шлейхеру, язык воплощает в звуках процесс мышления: «Язык есть звуковое выражение мысли, проявляющийся в звуках процесс мышления» [2, с. 110]. А. Шлейхер пишет о том, что язык выражает чувства, восприятия, волеизъявления не прямо, а опосредованно, в форме мысли. А задача языка – «создать звуковой образ представлений, понятий и существующих между ними отношений» [2, с. 111].

Карл Беккер, в свою очередь, утверждал, что слово «не слагается из звуков», а «рождается вместе с понятием» [1, № 4, с. 35]. Однако, согласно К. Беккеру, слово – это ещё и образ, в котором органически соединяются между собой различные элементы. Дыхание и голос составляют вещество, которое превращается в определённые звуки, а звуки становятся элементами слова [1, № 4, с. 35]. Таким образом, К. Беккер констатирует, что как человек есть единство духа и тела, так и слово – это единство понятия и звука.

Уильям Уитни предлагает похожее видение слова. Он говорит о том, что слова – это внутренние знаки понятий: «... words are only external signs for conceptions» [10, с. 38]. Язык, по его мнению, выраженному в работе «Язык

и наука о языке» (1867), представляет собой ментальные ассоциации между идеями и знаками, их представляющими: «It is made up of separate articulated signs of thought, each of which is attached by a mental association to the idea it represents» [9, с. 35].

По мнению М. Мюллера, слово – это непосредственное воплощение мысли, смысл её появления, финальная стадия развития мысли. И этот процесс непрерывен: «Мысль есть постоянное развитие, язык есть постоянный крик агонии, и однако новая мысль всегда вырастает из старой мысли, и живые слова возникают из пепла мёртвых слов» [4, с. 474]. Макс Мюллер критикует тех учёных, которые трактуют мысль и её законы отдельно от языка, как будто они существуют независимо друг от друга. Он утверждает, что «мысль без языка – простой призрак» [4, с. 420].

Подобный взгляд на проблему языка и мышления можно встретить и в теории Карла Беккера. Человек, по мнению К. Беккера, «говорит, потому что мыслит» [1, № 1, с. 4], и это является такой же потребностью, как дыхание. Дышать людей побуждает воздух, а мыслить – духовная, познавательная способность. К. Беккер полагает, что «любое действие проявляется в веществе, всё духовное является в телесном, поэтому мысль переходит в явление и делается телесным в слове» [1, № 1, с. 4]. Таким образом, слово – это мысль, «перешедшая в явление», а внутренне оба эти явления – одно и то же. Иными словами, мысль получает законченность, когда высказывается. Но в то же время, согласно Карлу Беккеру, высказываемая мысль есть «общая среда», она является понятной для

всех, выражает мировоззрение всего человечества [1, № 2, с. 10]. Благодаря этому и возможен взаимообмен идеями, при условии, что мысль достаточно подвижна и образна, чтобы выражать различные оттенки чувств и эмоций, изменение хода мыслей и т.д.

В теории Макса Мюллера, изложенной во втором томе «Лекций по науке о языке» (1861–1863), мы находим мнение о том, что язык и мысль неразрывно соединены: «it is impossible to use words without thought, as to think without words» [8, с. 76], «without speech no reason, without reason no speech» [8, с. 73]. А принцип идентичности языка и разума Макс Мюллер считает основополагающим в лингвистике: «I consider the identity of language and reason as one of the fundamental principles of our science» [8, с. 80].

Вышеизложенные положения доктрины М. Мюллера являются предметом жёсткой критики американского учёного Уильяма Уитни, выраженной им в вышеупомянутой книге «Макс Мюллер и Наука о языке: критика». У. Уитни опровергает тезис о том, что единство языка и мысли – один из фундаментальных принципов лингвистической науки, что слова без мысли – это мёртвые звуки, мысли без слов – ничто [10, с. 29]. У. Уитни утверждает, что число тех, кто идентифицирует мысль и язык, так же невелико, как и тех, кто относит лингвистику к физическим наукам: «Probably the number of those who hold this doctrine, of the identity of thought or reason with language, is as small as the number of those who hold that the study of language is a physical science» [10, с. 29]. М. Мюллер же, по словам У. Уитни, – единственный учёный, который поддерживает обе эти док-

трины, признаваемые американским учёным ложными.

Макс Мюллер говорит о том, что развитие языка тесно связано с развитием человеческой мысли, «что мысль очень часто прирастает к языку, что её история есть история постоянных битв против бесплодных слов» [4, с. 473]. И, соответственно, «в истории мысли встречается то, что встречается и во всяком другом развитии: настоящее страдает за прошедшее, и будущее усиленно убегает от настоящего» [4, с. 473]. Всё это мы находим и в истории языка.

О связи развития языка с развитием человеческой мысли говорит и Карл Беккер. Язык, по словам Карла Беккера, «всецело принадлежит мысли, как высшему отправлению человеческой жизни» [1, № 2, с. 13]; язык развивается вместе с мыслью органическим образом. Карл Беккер исследует степень развития речи целых народов. Он приходит к выводу, что развитие языка народов обозначает степень умственного развития людей этого народа; таким образом, разум и язык взаимно обуславливают друг друга. По мнению учёного, мысль возможна только потому, что высказывание переходит из сферы индивидуальной жизни в сферу родовой жизни. Именно поэтому мысль становится понятна и другим членам коллектива. Итак, если очевидно, что язык – это достояние целого народа, то слово должно быть выражением мысли не для одного говорящего, а для всего рода, понятно для последующих поколений [1, № 2, с. 9].

Макс Мюллер признаёт, что язык является важнейшим органом человеческого мышления: «Язык есть настоящий орган нашего ума. Мы думаем нашими словами, как видим нашими

глазами» [4, с. 420]. Иными словами, «язык есть орган мысли, точно так же, как глаза – органы зрения» [4, с. 421].

Подобную мысль мы можем встретить и у Карла Беккера. Мышление, утверждает К. Беккер, проявляется в языке, как зрение в глазах: зрение выражает понятие глаза, а мысль выражает понятие языка [1, № 2, с. 13]. Речь, в свою очередь, «как человеческий организм, как телесный орган», имеет две стороны: «внутреннюю, обращённую к разуму, и внешнюю, обращённую к проявлению» [1, № 2, с. 14].

Учёные натуралистического направления, как показывает анализ их трудов, часто прибегают к биологическим метафорам при описании языковых и мыслительных процессов. Например, согласно М. Мюллеру, наука о языке должна знакомить с устройством «органа мысли» (языка) – «с костями, мускулами, нервами в грамматике и словаре» [4, с. 474]. А поскольку язык связан с мышлением, то должна существовать и «наука о мысли», которая относится к науке о языке так же, как биология относится к анатомии [4, с. 474]. Наука о мысли показывает цель органа мысли, его функции, «его жизнь». Таким образом, по мнению учёного, эти две науки составляют единое целое.

Карл Беккер, в свою очередь, сравнивает язык с семенем, производство высказывания – с осеменением, восприятие сообщения – со сбором пророщенного семени, для осуществления которого необходимы органы произнесения и слуха, которые, в совокупности, составляют «органы слова» [1, № 1, с. 5–6].

Однако не у всех учёных-натуралистов можно найти единство взглядов

на описанные процессы. Американский учёный Уильям Уитни находит противоречия в доводах Макса Мюллера: то М. Мюллер утверждает, что мысль невозможна без языка (а именно его наличие и отличает людей от животных), то допускает умственную активность животных («the reality of thought or mental activity in animals»), их способность чувствовать, ощущать, запоминать и судить [10, с. 27]. Однако тезис об умственной активности животных, входящий в противоречие с предыдущим (подробно рассмотренным выше), легко объясняется английским учёным: «Мы можем воображать себе всё, что угодно, о том, что происходит в уме животных, но мы ровно ничего не можем знать» [4, с. 8]. Следовательно, любые выводы по данному вопросу нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, считает М. Мюллер. То же самое, по мнению английского учёного, касается и души животных: «Если мы будем спрашивать: есть ли душа у животных? – то никогда не придём ни к какому заключению, ибо душа столько раз была определяема философами, от Аристотеля до Гегеля, что, наконец, получила значение всего или ничего» [3, с. 266].

Абель Овелак тоже не столь категоричен, как У. Уитни, в отношении ума животных. Он способен, как и М. Мюллер, допустить у животных определённую мыслительную деятельность. По его мнению, животные «обладают идеями и умеют передавать их друг другу настоящей речью» [5, с. 25], хотя её и нельзя назвать членораздельной.

Чтобы доказать свою концепцию идентичности языка и мысли, М. Мюллер во втором томе «Лекций по науке о

языке» иллюстрирует её, в том числе и следующими положениями: он утверждает, что без знания слов невозможны самые простые идеи, такие как «чёрное и белое», «сладкое и горькое». Например, по его мнению, ребёнок не знает, что такое сладкое, хотя и способен чувствовать его: «A child receives the sensation of sweetness; it enjoys it, it recollects it, it desires it again; but it does not know what sweet is» [8, с. 77].

У. Уитни в своём труде «Макс Мюллер и Наука о языке: критика» приводит контраргументы. Он говорит о том, что даже низшие животные способны различать цвета, а ребёнок, не умеющий говорить, различает горькое и сладкое на вкус. Согласно У. Уитни, мы даём название вещам не потому, что точно осознаём, что это, а потому, что можем об этом сказать: «we apply the name not because we thereby know or realize any better what sweet is, but in order that we may «tell of it»» [10, с. 29]. Получается, что взрослый отличается от ребёнка не тем, что точно знает, что такое «сладкое», а тем, что он может это понятие назвать.

Карл Беккер в вышеупомянутом труде «Организм языка» тоже уделяет внимание процессу развития языка у детей. Он говорит о том, что у детей мысль сразу становится словом, поэтому речь ребёнка означает меру его умственного развития [1, № 1, с. 6]. Ребёнок перенимает произнесённое другими только тогда, когда это слово начинает обозначать для него понятие, поэтому ребёнок раньше начинает произносить названия чувственных предметов и позже усваивает местоимения, наречия, наклонение глагола, числительные и т.д. [1, № 1, с. 7]. Таким образом, согласно Карлу Беккеру, язык

изучается не через подражание, а через соотнесение с понятием.

Карл Беккер выводит следующую формулу: человек говорит, потому что мыслит, и молчит, потому что он хочет молчать. Таким образом, заключает учёный, человек в процессе жизни учится не говорить, а молчать [1, № 1, с. 8]. Чем больше в человеке воли, тем больше он ограничивает свободное проявление мысли в речи. У детей, как и у взрослых в состоянии сумасшествия или страсти, мысль сразу же переходит в речь. Образование человека, говорит немецкий учёный, неразрывно связано с успехами в развитии языка.

Уильям Уитни, активно критикующий лингвистическую концепцию Макса Мюллера в своём труде «Макс Мюллер и Наука о языке: критика», склонен поддерживать лишь тезис М. Мюллера о том, что умозаключение осуществляется средствами языка, следовательно, оно невозможно без языка: «Reasoning is that kind of thought which is carried on only by means of language; hence, reasoning is impossible without language» [10, с. 27].

Таким образом, взгляды М. Мюллера на проблему языка и мышления У. Уитни делит на три этапа, первый из которых признаёт правильным (язык очень важен для мысли: «Language is of immense importance to thought»), второй считает преувеличением (мысль невозможна без языка: «No thought is possible without language»), а третий – ложным (мысль и язык идентичны: «Thought and language are identical») [10, с. 30].

Исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать, что вопрос о соотношении языка и мышления не

нашёл однозначного решения в лингвистической мысли XIX столетия. В целом, никто из учёных натуралистического направления в языкознании не отрицал связи между мышлением и языком. Однако Макс Мюллер доходил в своих рассуждениях до полной идентичности мышления и языка, тогда как другие учёные (прежде всего, Уильям Уитни) не были столь категоричны в этом вопросе. Одни исследователи (Макс Мюллер, Абель Овелак, Карл Беккер, Август Шлейхер) говорят о единственном главном отличии человека от животного – способности к членораздельной речи, другие (Уильям Уитни) настаивают на большем количестве отличительных характеристик. Но, будучи в той или иной степени последователями натурализма, все вышеназванные учёные описывают лингвистические и психолингвистические процессы, используя биологические понятия и метафоры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беккер, Карл. Организм языка (перевод). 1860 г. // Филологические записки. 1860. № 1–6. С. 3–72.
2. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. 3-е изд. Т. 1. М.: Просвещение, 1964. 466 с.
3. Мюллер, Фридрих Макс. Лекции по науке о языке. Перевод с английского. Изд. 2-е, доп. М.: Либроком, 2009. 314 с.
4. Мюллер, Фридрих Макс. Наука о мысли. Перевод с английского. Изд. 2-е, доп. М.: Либроком, 2011. 496 с.
5. Овелак, Абель. Лингвистика. Перевод с французского. Изд. 2-е, доп. М.: Либроком, 2009. 328 с.
6. Шлейхер, Август. Теория Дарвина в применении к науке о языке. СПб.: Типография П.А. Кулеша, 1864. 14 с.
7. Hovelacque, Abel. La linguistique. 3-ème

- éd. Paris: C. Reinwald, Librairie d'éditeur, 1881. 436 p.
8. Müller, F. Max. Lectures on the science of language. 6-th ed. In two volumes. Vol. 1. London: Longmans, Green and Co, 1871. 371 p.
9. Whitney, William Dwight. Language and the study of language. Twelve lectures on the principles of linguistic science. London: Trubner and CO, 1867. 490 p.
10. Whitney, William Dwight. Max Muller and the science of language: a criticism. New-York: D. Appleton and company, 1892. 80 p.